

До чего же милый.

Он едва сдерживал вспыхнувший гнев — лишь бы не разрушить привычный образ, — и выглядел при этом совершенно очаровательно. Ну как можно быть настолько милым?

Сун Ицзэ был от него в полном восторге. Ему безумно хотелось сжать парня в объятиях ещё крепче или хотя бы коснуться губами этой вспыхнувшей румянцем щеки.

Но, разумеется, он воздержался: поцелуй он его прямо сейчас, Нин Си с него шкуру бы спустил.

— Ты чего скалишься?! — Нин Си смутился: этот младшенький мало того что не разжимал рук, так ещё и смотрел на него с улыбкой — до того красивой, что становилось неловко.

— Ты вчера перебрал, и я забрал тебя к себе, — тихо проговорил Сун Ицзэ с утренней, чуть хрипловатой поволокой в голосе.

Нин Си на мгновение завис.

"Забрал и забрал, но почему я в твоей постели?!"

Нин Си попытался вывернуться. Ладонь Сун Ицзэ, лежавшая у него на талии, жгла словно раскалённое железо, а обволакивающий со всех сторон аромат Альфы создавал стойкое ощущение, что происходящее переходит все границы.

— Не дёргайся, — Сун Ицзэ мягко сжал его корпус и подтянул ещё ближе к себе. Устроив парня в охапке, словно плюшевую игрушку, он пробормотал: — Поспи ещё.

Нин Си лишился дара речи.

"Я что, всё ещё пьян?"

— Слушай, братан, — Нин Си слегка упёрся руками в грудь Сун Ицзэ, — мы тут... ну... Нам вообще в школу не пора?

Уткнувшись подбородком в мягкую макушку Нин Си, Сун Ицзэ сонно пробормотал:

— Сегодня суббота.

Нин Си мысленно взвыл.

"Я имел в виду, не пора ли тебе меня отпустить!"

— Послушай...

— Помолчи немного. Я спросонья бываю раздражительным.

"Да пошёл ты со своей раздражительностью!"

Впрочем, объятия Сун Ицзэ и впрямь оказались до чертиков уютными. Его феромоны умиротворяли, а хмель всё ещё туманил разум. В итоге под это ласковое поглаживание Нин Си каким-то образом умудрился снова провалиться в сон.

Когда он очнулся во второй раз, рядом уже никого не было.

Резко сев на кровати, Нин Си обвёл взглядом комнату — место было абсолютно незнакомое.

М-да... Перебрал так перебрал.

Он поспешно сбросил одеяло и поднялся, пытаясь сообразить, не причудилось ли ему всё утреннее происшествие. Не успел он протянуть руку к дверной ручке, как дверь распахнулась сама.

На пороге стоял Сун Ицзэ в кухонном фартуке. Окинув ошеломлённого Нин Си спокойным взглядом, он неторопливо спросил:

— Проснулся?

— Э-э... да, — только и вымолвил Нин Си.

— Иди умойся и спускайся завтракать, — Сун Ицзэ держался до неприличия естественно. Голос его звучал ровно и отстранённо, а взгляд светлых глаз оставался невозмутимым.

Он уже повернулся, собираясь уйти, но Нин Си мёртвой хваткой вцепился в его рукав:

— погоди! Вчера... Ну, когда я нализался... я ведь ничего такого не отбучебучил?

В прошлый раз, перебрав, он вообще очнулся в чужом теле возле мусорного бака, так что доверять себе пьяному он не мог ни на грош.

Сун Ицзэ поджал губы:

— Что именно ты имеешь в виду?

Нин Си обомлел.

"Мать твоя женщина, там что, вариант не один?!"

Ему стало не по себе. Как ни крути, виноват тут он сам, и ещё неизвестно, не он ли сам залез к Сун Ицзэ под одеяло.

Впрочем, мысли самого Сун Ицзэ витали совсем в другой степи. Он смотрел на Омегу, у которого полностью отсутствовали защитные инстинкты: ворот распахнутой после сна рубашки обнажал белоснежную кожу, подёрнутую возле ключиц хмельным румянцем.

Наказание какое-то.

Подавив волну желания, Сун Ицзэ с напускной строгостью произнёс:

— Ничего не было. Не бери в голову.

Отвернувшись, он добавил:

— Новую зубную щётку я тебе положил. Жду за столом.

Поведение Сун Ицзэ лишь подлило масла в огонь. Нин Си окончательно впал в панику.

"Да ладно... Серьёзно?!"

Неужели он всю ночь травил ему дурацкие анекдоты или силой заставлял танцевать самбу? Что, чёрт возьми, произошло?!

Память отшибло напрочь.

Расспрашивать дальше казалось ещё более глупым, поэтому Нин Си отправился в ванную, а затем, умывшись, на цыпочках поплёлся к обеденному столу.

Сун Ицзэ оказался идеальным хозяином. На столе красовалось целое изобилие: паровые булочки с заварным кремом, шаомай, каша из чёрного риса и лепёшки с яйцом. Уровень мастерства впечатлял.

Нин Си сглотнул слюну.

И всё же... Как его занесло в этот дом? И почему Сун Ицзэ молчит как партизан?

— Что такое? Ничего не нравится? — спросил Сун Ицзэ, снимая фартук.

— Нет-нет-нет! — быстро сдал назад Нин Си и поспешно сел на стул. — Просто не ожидал, что ты наготовишь столько всего.

Видя его перепуганный вид, Сун Ицзэ едва сдерживал умиление. Положив ему в пиалу булочку, он тихо ухмыльнулся:

— Тогда ешь побольше.

"Ух... С чего такая забота? Впрочем, он вроде всегда такой..."

Молча откусив кусочек, Нин Си оценил нежную и ароматную начинку.

Когда с завтраком было кончено, Сун Ицзэ принялся убирать со стола. Нин Си, развалившись на стуле и поглаживая набитый живот, смущённо предложил:

— Слушай, давай я хоть посуду помою?

"Какая хозяйственная милашка", — промелькнуло в голове у Сун Ицзэ, но вслух он спокойно ответил:

— Не нужно, у меня есть посудомойка.

Нин Си уныло опустил голову. Помявшись, он наконец пробормотал:

— Похоже... я снова навесил на тебя свои проблемы.

Поджав колени к груди и спрятав в них лицо, он тихо добавил:

— В последнее время всё навалилось... Куча сложностей, путаница, я просто не знал, как со всем этим разобраться. А вчера вытащили на тимбилдинг, ну я и сорвался. Напился до беспамятства...

Загрузив тарелки, Сун Ицзэ ровно отозвался:

— Всё в порядке.

Нин Си надулся. "Всё в порядке" — у него всегда один ответ! Найдётся хоть что-то, что его выведет из себя?

— И вообще, ты мне на сообщения не отвечал и игнорировал меня, — буркнул он.

Сун Ицзэ мягко потрепал его по волосам, точно ребёнка:

— Прости. Я был неправ.

— Да я просто к слову сказал! Чего ты извиняешься? — Нин Си скинул его ладонь. — И не гладь меня по голове!

Сун Ицзэ ни в чём не виноват. Вина полностью лежала на нём самом.

— Но всё-таки... Как я очутился у тебя? — спросил Нин Си.

Вопрос с самбой оставался принципиальным. От этого зависела его репутация.

Сун Ицзэ притворился, что размышляет:

— Ты сказал, что не хочешь домой. Вот я и привёз тебя к себе.

— А дальше? — Нин Си подался вперёд. — А дальше что было? Я к тебе не приставал?

"Он реально ничего не помнит?"

Заподозрив чистую правду, Сун Ицзэ решил на небольшую провокацию.

Обогнув стул, он облокотился на спинку и, наклонившись к самому уху Нин Си, со смешком прошептал:

— Ты сказал, что от меня пахнет просто изумительно. И что тебе это безумно нравится.

Тёплое дыхание коснулось ушной раковины. Нин Си обдало жаром, и кончики его ушей вспыхнули пунцовым цветом.

Сун Ицзэ сзади наблюдал за тем, как краснота заливает шею Омеги, задерживая взгляд на его

железе:

— Ты не выпускал меня из объятий, утыкался носом в плечо и без конца плакал.

— Твердил, что желаешь мне только добра, а потом потребовал, чтобы я лёг с тобой.

— Сказал, что в этом мире у тебя кроме меня никого нет.

— А ещё ты...

— Стой-стой-стой! погоди! — Нин Си зажал уши. Спасите-помогите! Неужели в пьяном виде он становится таким стыдодобием?! Да это же в тысячу раз хуже любой самбы!

Господи, неужели он способен на такую дику пошлость?! Это точно его слова?!

А-а-а-а!

Реакция парня вызвала у Сун Ицзэ новый приступ умиления:

— Навестим потом Цзюбая?

— А? — Нин Си горел от стыда и злости.

Сун Ицзэ невинно хлопнул ресницами:

— Ты сам об этом просил, когда висел на мне и не хотел отпускать.

Нин Си онемел.

"Всё. Стыд и позор. Лицо потеряно навеки!"

Сгорая от гнева и смущения, Нин Си понял, что оставаться здесь больше нельзя ни секунды. Он резко развернулся и рванул к выходу.

— Эй, ты куда? — Сун Ицзэ в мгновение ока перехватил его за запястье и потянул обратно, не скрывая смешинок в глазах.

— Отпусти! — Нин Си мог бы запросто уложить его на обе лопатки, но в нынешнем положении не смел применить силу. — С меня хватит! Я сгорю со стыда! Отпусти меня сейчас же!

— Да что такого-то? — Сун Ицзэ перехватил и вторую его руку. Вид этого взъерошенного кота доставлял ему несказанное удовольствие. — Ну тихо, тихо.

— Что за "тихо", блин?! — Зажатый в тиски, Нин Си вынужден был снизу вверх смотреть на Сун Ицзэ, улыбавшегося словно хитрый лис. Обстановка становилась чересчур двусмысленной.

Как бы Нин Си ни барахтался, Сун Ицзэ без особого труда удерживал его, впрочем, осторожно, чтобы не причинить боли.

— Отпусти! Я сейчас всерьёз разозлюсь...

В этот самый момент входная дверь с щелчком распахнулась.

— Сынок, мы вернулись!

На пороге с сияющими лицами появились Юй Цзинъюэ и Сун Чэнцзя.

Супруги чувствовали вину из-за того, что пропустили школьный праздник сына, но картина, представшая их взору, заставила их застыть на месте:

Сун Ицзэ мёртвой хваткой сжимал запястья Нин Си, не давая тому вырваться, а бедненький Нин Си с пылающим пунцовым лицом и полными слёз от обиды глазами выглядел донельзя несчастным и загнанным в угол.

Заметив родителей, оба парня мгновенно замерли.

«...»

«...»

«...»

«...»

В прихожей стойко пахло алкоголем, воротник невестки съехал набок в пылу борьбы, а сам он был красным, точно варёный рак.

Двусмысленнее не придумаешь.

Лицо Юй Цзинъюэ мгновенно исказилось от праведного гнева. Уставившись на сына, она

закричала:

— Сун Ицзэ! А ну-ка живо марш сюда!

Сун Ицзэ: «...»

Дело дрянь.

Юй Цзинъюэ затащила Сун Ицзэ в комнату.

— Ты... Да как ты мог! — Мать с трудом подбирала слова от возмущения; при воспоминании о несчастном лице Нин Си у неё сердце кровью обливалось. — Неужели не видно, что парень против?! Ты что, силу к нему применил?!

Сун Ицзэ: «...»

— Ты мои слова мимо ушей пропускаешь?! Почему от него до сих пор так несёт перегаром? Ты что, напоил его?! Совесть у тебя вообще есть?!

Сун Ицзэ: «...»

"Так вот, значит, какого вы обо мне мнения, матушка?"

— Ох, у меня аж голова разболелась... — Юй Цзинъюэ прижала ладонь ко лбу, не скрывая разочарования. — Посмотри на Сяо Нина, у него же все уши и шея пылают! Какое скотство — притащить человека домой и устроить такое!

Сун Ицзэ мог только молча переваривать происходящее.

Помолчав некоторое время, Сун Ицзэ поднял глаза и с предельной серьёзностью произнёс:

— Я возьму на себя ответственность.

Юй Цзинъюэ смирила его взглядом.

— Хоть всё и не совсем так, как вы подумали, я за всё отвечу, — повторил он.

Вглядевшись в привычно бесстрастное лицо сына, Юй Цзиньюэ заметила в нём иные, прежде скрытые живость и теплоту. Изменения едва угадывались, но они несомненно были.

— Что ж, это хорошо, — с лёгким вздохом произнесла мать, а затем тепло улыбнулась: — Похоже, ты наконец начинаешь оживать.

Сун Ицзэ посмотрел на неё и спустя мгновение тихо кивнул:

— Угу.

Тем временем в гостиной.

Сун Чэнцзя с исключительно доброжелательным видом восседал на диване напротив Нин Си и мягко ему улыбался.

От всего его облика веяло интеллигентностью и утончённостью. Улыбнувшись, он взял из вазы мандарин и неспешно предложил:

— Хочешь мандарин?

Нин Си, чувствуя себя не в своей тарелке, поспешно замахал руками:

— Нет-нет, что вы, дядя, спасибо огромное!

Сун Чэнцзя понимающе кивнул, взялся за яблоко:

— Тогда, может, яблоко?

— Не стоит, дядя, спасибо.

— Банан?

— Тоже не надо, дядя.

— Персик?

—... Спасибо, дядя.

Отец семейства ласково посмотрел на юношу, принявшего персик, и выдал фразу, от которой Нин Си окончательно осознал: семейка тут та ещё.

— Ну какой я тебе «дядя»? Пора уже звать меня папой.

<http://bllate.org/book/20373/2300323>